

2013

Our Theater. – A Calendar. – One of Them. – Leaving Behind. – A Night Song. – On This Side

Victor Fet

Marshall University, fet@marshall.edu

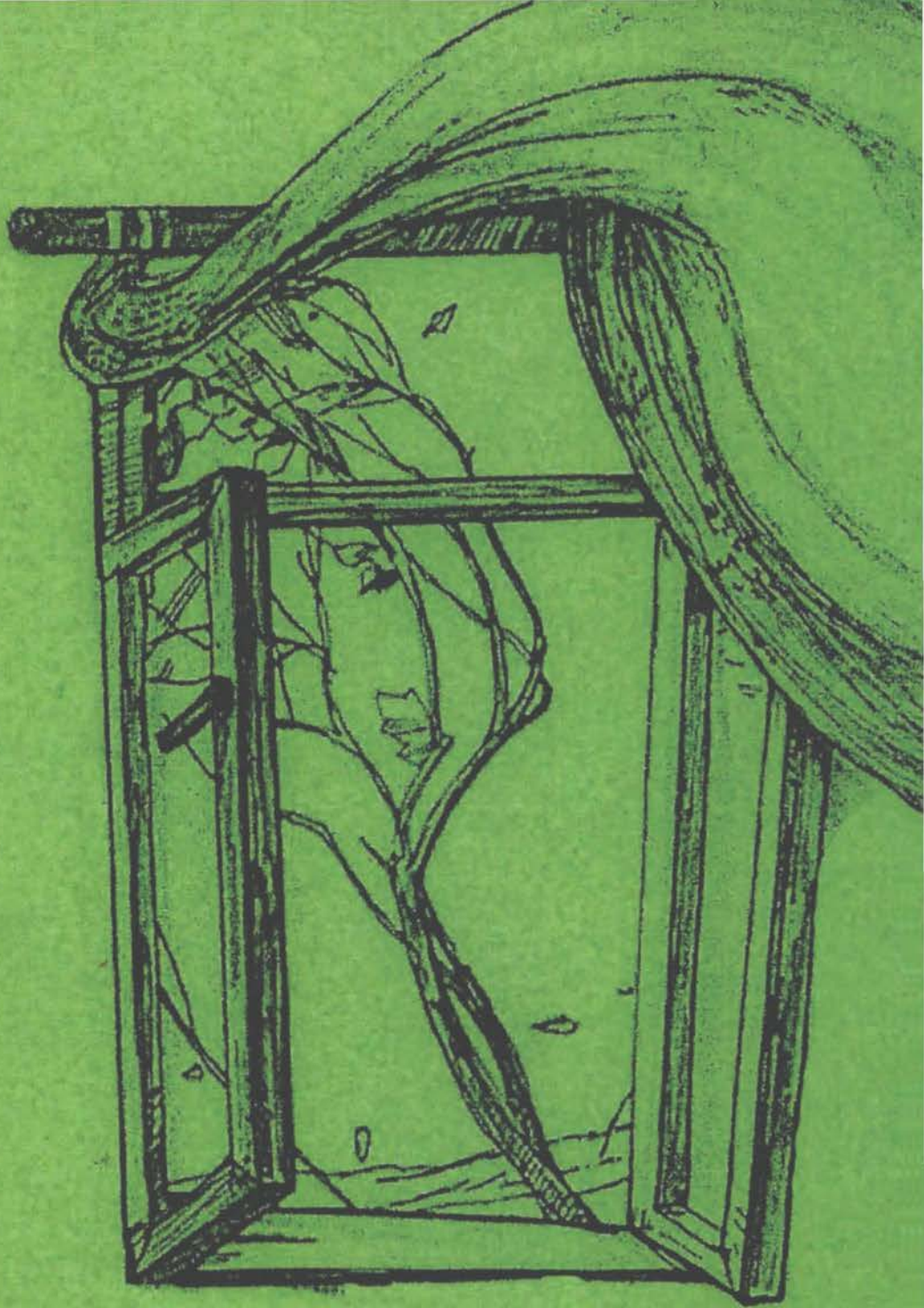
Follow this and additional works at: http://mds.marshall.edu/bio_sciences_faculty

Part of the [Poetry Commons](#), and the [Russian Literature Commons](#)

Recommended Citation

Фет, Виктор. [Six poems] Наш театр. – Календарь. – Одна из них. – Оставляю. – Ночная песня. – По эту сторону. В кн.: «Альманах поэзии» (Сан-Хосе, Калифорния), 2013, 20, с. 208-212. [Nash teatr. – Kalendar'. – Odnaz iz nikh. – Ostavliaiu. – Nochnaia pesnia. – Po etu storonu. (Our Theater. – A Calendar. – One of Them. – Leaving Behind. – A Night Song. – On This Side)]. In: Almanakh poezii (A Poetry Almanach), San Jose, CA, 2013, 20, pp. 208-212. (in Russian).

*Альманах
Поэзии
20 ~ 2013*

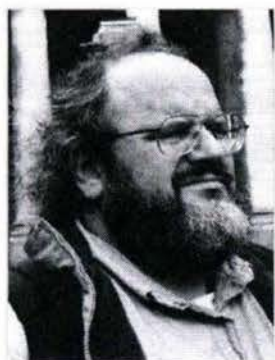

Альманах Поэзии

Ежегодник

Основатель: Илья Фридлиб

Выходит с 1994 года
США, Калифорния

Виктор Фет

(Хантингтон, Западная Вирджиния)

Автор трёх сборников стихотворений и многих публикаций в изданиях США, Германии и России. Профессор биологии. Постоянный автор Альманаха Поэзии.

НАШ ТЕАТР

Над маленькою сценой
метался чудный звук,
мгновений смысл бесценный
сливался в общий круг,
и сказанное слово,
летающее во тьму,
ошеломляло снова
внимающих ему.

Ушло, но не забыто,
а значит, не ушло:
ещё окно открыто,
ещё дрожит стекло.
Как сказки или гены
сквозь мглу прошедших лет –
былые мизансцены,
которым сносу нет.

Всё те же, и всё та же
на сцене суета –
король, и шут, и даже
все реплики шута.
Прочней орлов имперских,
превыше всех знамён –
тот отзвук песен дерзких,
что нами сохранён.

Всё было, всё известно,
и всё ж опять сильней –
заставленное тесно
пространство лет и дней;
пустеет наша сцена,
всему приходит срок,
и только неизменно
блаженство этих строк.

Не уберу страницу,
не вырву, не сотру,
уже остановиться
не хочется перу.
Пускай же смотрят боги
с Олимпа, – как рука
ещё выводит слоги,
понятные пока.

КАЛЕНДАРЬ

Мой мозг живёт благодаря
тому, что повторяет снова
слова страниц календаря
настенного и отрывного,

и, повторяя содержание
их оборотной стороны,
на ограниченное знание
мы кажемся обречены.

Идя за линией отрыва,
я знаю: знание моё,
вскипев, перетекает живо
в бумажное небытие.

Слова, блестящие, как стразы,
Нашиты наспех на листы,

из них составленные фразы
прекраснодушны и пусты.

Но погляди насквозь, на свет
на перевёрнутую дату,
на гравированный портрет
и на зеркальную цитату –

и снова станет неизвестной
грань между вечером и мной,
взращённая в той строчке тесной,
на той страничке отрывной.

ОДНА ИЗ НИХ

Который раз, в отдельном сне,
среди сплетающихся ниток
я вижу вечности избыток,
узлы, доставшиеся мне.

Одна из нитей чуть видна,
но всё, что станется со мною,
определит она одна
своей свободною длиною.

В цветной оборванной кайме
я различаю нитку эту –
одну из них, к другому лету
ведущую, к другой зиме.

ОСТАВЛЯЮ

Валентине Синкевич

Оставляю на время те страны,
где с богами боролись титаны,
где разбросана суша руками

олимпийцев, по их законам,
чей язык неизвестен; где камни
устремляются вверх по склонам,
словно новых захватчиков орды.

Незаполненные кроссворды
оставляю на кресле в зале
ожидания, где строка
равномерно течёт, пока
номер рейса не объявляли.

Я лечу, как летал во сне,
подо мной плывут острова,
недоступное ранее мне
переделывается в слова.
Я отчитываюсь перед вами
свежесобранным языком
над последними островами
перед новым материком.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Вот букварь передо мной:
в нём условленные знаки
тускло светятся во мраке,
как костры в ночи степной.
Там в котлах дымится вар
смрадных звуков речи вязкой,
жизнь мелькает в свете фар
позабытой страшной сказкой.

Но, по правилам игры,
вплоть до следующей мглы
там вращаются углы
ослепительного слова,
и асфальт пути земного
размягчится от жары,

сохранив мои следы.
Мы к назначенному сроку
соберёмся у воды,
пролегающей к востоку
на цветной блестящей вкладке,
там, в конце у букваря,
если будет всё в порядке
в первых числах января.

ПО ЭТУ СТОРОНУ

Наш век размечен чуждой метой
по краю стынущего льда;
снов океан питался Летой,
где память смыта навсегда.

А из какой прозрачной пыли
летят сигнальные лучи –
нам всё равно, и мы забыли,
и снова азбуку учи.

Тире и точка, плюс и минус,
и алфавитные значки,
как древний мир, пройдут и минут,
не расширяя нам зрачки.

Но за полярными кругами,
куда вода не дотекла,
хранится отраженье в раме
по эту сторону стекла